

УДК 94(47).05

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.4>

А.В. Захаров

ИНФОРМАТИВНОСТЬ И СОСТАВ МАССОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СМОТРА ДВОРЯНСТВА 1721–1723 гг¹.

Так называемый генеральный смотр дворянства задумывался Петром I как масштабная акция рекрутирования на гражданскую службу всех неармейских чинов «из шляхетства». Смотр проводился в Санкт-Петербурге и Москве в 1721–1723 гг. и завершился ревизией и новыми назначениями около 17 тыс. человек для гражданской службы и отставок. Состав чинов смотра оказался шире, чем в известных указах, – съезжались: служащие учреждений, царедворцы, дворцовые служители, городские дворяне, не проживавшие в Сибири и Астрахани.

В статье актуализируется вопрос информативности, идентификации и состава документов генерального смотра, которые содержали массовые данные о служилых людях. При изучении эволюции служебных документов автором выявлен подлинник «образца» для написания сказок на смотре царя Федора Алексеевича и сопоставлены аналогичные источники 1681–1722 гг. Впервые установлен относительно полный объем служебных сказок, особенности записи «приездов», «допросов» как массовой документации смотра. Выявлена

связь «допросов нетчиков», содержащих их словесные портреты, с историей генерального смотра. Анализируя записные книги «определений», автор кратко обосновывает мнение об их тождестве «спискам генеральным шляхетству», и опубликованному «Списку военным чинам первой половины XVIII в.». Приводятся новые данные о штатном составе Герольдии и завершении смотра в Москве. Автор делает вывод об активном заимствовании Герольдией разрядного механизма, формуляров документации смотров царедворцев и расширением бюрократического администрирования в масштабных акциях рекрутирования.

Ключевые слова: Петр I, Федор Алексеевич, Сенат, коллегии, Герольдия, дворянство; шляхетство, XVIII век, источниковедение, сказки, царедворцы, словесные портреты.

Для цитирования: Захаров А.В. Информативность и состав массовой документации генерального смотра дворянства 1721–1723 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 38–46. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.4

Andrey V. Zakharov

THE INFORMATIVENESS AND THE CONTENT OF MASS DOCUMENTATION OF THE GENERAL INSPECTION OF THE NOBILITY IN 1721-1723²

The General Inspection of the Nobility was conceived by Peter the Great as a large-scale recruitment campaign for the civil service of all nobles who were not in army regiments. The Inspection was held in St. Petersburg and Moscow in 1721-1723 and ended with an audit and new appointments of about 17 thousand people to civil service and resignations. The number of people assigned to the Inspection turned out to be bigger than in the well-known decrees. The article studies the informativeness, identification and composition of the documents of this Inspection which contained personal data. The author identified a template for writing «skazki» at the Tsar Fyodor Alekseevich's Inspection and compared similar sources of 1681 – 1722. For the first time, the author established a relatively complete volume of «skazki», of feature «priezdy» and «doprosy». He determined the connection of «interrogations of netchiks» containing their verbal portraits with the history of the general review.

Порядок государевых смотров петровского времени восходил к давней традиции Московского государства. В отличие от полковых смотров и «разборов чинов», государевы смотры объявлялись для съезда в столицу при вероятном участии монарха. В царских указах и распоряжениях

Analyzing the Deployment Books of the «opredelenii», the author briefly justified the opinion about their identity to the «Lists of the military ranks». New data about the staff of the Heraldry office under Senate and the completion of the Inspection in Moscow are given. The author concludes about the active borrowing of the discharge mechanism, documentation forms in the 1720s. The Senate and the Heraldry office expanded bureaucratic administration in large-scale recruitment campaigns of the nobility and officials.

Key words: Peter the Great, Tsar Fyodor Alekseevich, Senate, colleges, Heraldry, Russian nobility, source studies, recruitment, courtiers.

For citation: Zakharov A. V. The informativeness and the content of mass documentation of the general inspection of the nobility in 1721-1723 // Humanities and law research. 2021. No.4. P. 38–46. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.4

Разряда и Сената уточнялся контингент участников, даты приезда и место смотра различных «чинов». Основная суть смотров состояла в участии царя и его ближайших советников при ревизии, новых назначениях, отставках наличных «чинов» служащих и недорослей.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42073 (Петровская эпоха).
2 The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-09-42073 (Peter's era).

Все действия смотров (объявление, проезд, «сказывание», смотр государем, отпуск) предварялись подготовкой списков их участников. В течение государева смотра и по итогам «разборов» служащие составляли: во-первых, чиновные росписи служилых людей по «нарядам» на полковую службу и к отставке, во-вторых, поименные списки назначений к службе и «делам», в-третьих, перечни нетчиков, в-четвертых, книги записей «приездов» на смотр, смотренные сказки, «допросы» нетчиков – эти источники объединяет массовый характер происхождения и концентрация биографических данных на стадии сбора, учета и назначений. Идентификацию и информативность документов смотра шляхетства 1721 – 1723 гг. предстоит проанализировать специально, поскольку источниковедчески она наименее изучена в историографии.

Результаты масштабной работы Сената и его Герольдмейстерской канторы (канцелярии Разборных дел) в 1721 – 1723 гг. отражены примерно в 80 архивных «единицах хранения», отложившихся в Российском государственном архиве древних актов. В рамках одной статьи невозможно обозреть документы всех этапов смотровой акции, поэтому ниже не изучаются «входящие и исходящие дела» Герольдии по обеспечению смотра.

В первом десятилетии Северной войны государевы смотры объявлялись практически ежегодно, основным их контингентом были царедвор-

цы – стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы, то есть московские чины. Наиболее ранние упоминания слова «царедворцы» в русских источниках фиксируется в 1696 г. в письме боярина кн. Б. А. Голицына к Петру I. «Царедворцами» в переписке назывались московские чины без комнатных стольников [10, с. 583, 806].

Поименный состав думных и «ближних людей», московских чинов ежегодно фиксировался в боярских и жилецких списках. Армейской службой и производством в полковые чины около тысячи царедворцев, назначенных в офицеры, с начала XVIII в. заведовал Военный приказ. Однако чиновные перечни думных чинов и царедворцев продолжали составляться ежегодно разрядным столом Сената до 1721 г. Боярские списки 1714–1719 гг. не сохранились. Известен список чинов 1720 г., составленный по итогам смотра 1718 г. Летом 1721 г. специально для стольника С.А. Колычева, выбранного «баллотированием» в герольдмейстеры, в Сенате написали боярский и жилецкий списки [22, д. 4, 5, 103]. Чиновный список 1721 г. копировал структуру боярского списка 1714 г., в нем исключались имена умерших царедворцев, но по неполным данным. Поэтому закономерно возникают сомнения в исправности данных этих документов (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Численность царедворцев в начале 1720-х гг.
(по документам РГАДА. Ф. 286, оп. 1) / The number of courtiers in the early 1720s
(according to documents of the Russian State Archive of Ancient Acts. F. 286. Inv. 1)**

Чины	Список царедворцев 1720 г. [д. 4]	Чиновный список 1721 г.* [д. 5]	«Ведомость смотра» 1723 г.** [д. 49]
Стольники комнатные	не указано	34	33
Стольники	920	1526	518
Стряпчие	564	887	305
Дворяне московские	503	737	116
Жильцы	–	–	1091
Итого (без жильцов)	1987	3184	2063

* без учета умерших, постриженных в монастырь.

** без учета царедворцев, получивших армейские чины.

При получении армейских чинов и при отставке, на службе в коллежских учреждениях царедворцы идентифицировали себя с новым чином или должностью. По инерции переписки ежегодных списков служащие Разряда, а затем Сената продолжали числить царедворцев, назначенных в офицеры, в московских чинах. Таким образом, разрядно-сенатские документы уже с середины 1700-х гг. не могли предоставить правительству достоверной картины об актуальных чинах всех царедворцев, но точно сообщали их прежний московский чин. Эта ситуация отражена и в фор-

мальной статистике московских чинов (табл. 1). В том числе по этой причине царь поручил Сенату и стольнику С. А. Колычеву организовать в конце 1721 г. смотр царедворцам, бывшим вне армейских чинов, составив новые списки «шляхетству».

Кроме чиновных списков для исчисления «походов» и «служб» каждого человека в Разрядном приказе использовались смотренные списки, перечни нарядов на полковую службу и устные опросы царедворцев для сказок [14, 15, 16]. В допетровское время сказки прочно заняли место незаменимого документа. Как вид документов

сказки возникли, видимо, на рубеже XVI–XVII вв. в гущу бумаг московских приказов для сбора необходимых сведений, удостоверенных самим говорящим. Грамотные писали краткие тексты собственноручно, а не знающие письмо обращались к писцам, выведившим сказку со слов «сказывающего», но в изложении от первого лица. Сказки могли быть лаконичными в одну-две фразы или содержали рассказ, сравнимый с curriculum vitae новейшего времени.

Дошедшие до нашего времени сказки известны в большом количестве с начала XVII в. Близкие по предназначению к сказкам расспросные речи были уже распространены в XVI в. Они также излагали показания по запросам администрации. Сказки отличаются от расспросных речей самоименованием документа. Трансляция устной речи встречается и в других ранних судебных документах – в «допросах», в правых грамотах, в которых в том числе записывались показания свидетелей. Онтологическая связь расспросных речей и сказок очевидна. Еще в середине XVII в. в некоторых сказках встречаются фразы «а речи писал (имя и/или прозвание) своею рукою» [8]. Сказки оказались также удобны светским феодалам и духовенству для единичных опросов, а государству для свода данных от любых «чинов». Интерес властей вызывали актуальные свидетельства по множеству вопросов, «заручно» подтверждаемых говорящим. Смотренными условно можно назвать сказки, полученные властями от служилых чинов и слугителей приказов

при наряде на службу и к работе, при приездах на смотры, при отставке, при запросе данных о местном и служебном состоянии. Военные инициативы правительства XVII в. требовали скорой концентрации сведений и служащие московских приказов быстро кроили образцы любой сказки.

Первые сказки, поданные для смотра в Москве зимой 1721 г., имели самоназвание «ведение» и сказки», но уже в феврале 1722 г. неологизм был отставлен, уступив место привычному слову. Практически в каждой смотренной сказке нового смотра излагались сведения о возрасте, начале «служб», первом чине, объеме поместных владений человека, перечни участия в военных акциях или «службах», география походов и «посылок». Хронология служб иногда заменялась отсылкой к сведениям в архиве – «о службе в полках бояр и воевод извесно в Разряде». Автограф-подпись под сказкой было критически важным для определения грамотности. Но судя по всему, не все расписывали о болезнях, ранениях и неграмотности, как причинах неподписания сказки. Напротив, всегда указывались чин, имя, родственная связь доверенного лица, поставившего подпись «по велению» или «по прошению» автора сказки.

Важно понять насколько служащие «Геролдии», как называл канцелярию сам царь, заимствовали опыт московских приказов? Для ответа на первый вопрос сопоставлю сказки, поданные при «разборе» жильцов 1643 г. в Москве и рейтаров в 1702 г. в Твери [6; 16]. Сказки 1681, 1722 гг. сравниваются по аутентичным «образцам»-шаблонам.

Таблица 2 / Table 2

Формуляры и сведения сказок московских чинов и рейтаров (по «разборам», смотрам и «образцам» XVII–XVIII вв.) / Forms and information of revision of Moscow officials and reitars (according to «analyses», reviews and «samples» of the 17th-18th centuries)

	1643	1681	1702	1722
Датировка	–+	+	+	+
Институция (имя, чин)	+	+	+	+
Инскрипция	+	+	+	+
Начало (срок) службы	+	+	+	+
Возраст	+	–	–	+
Текущая служба	+*	–	+	+*
Хронология служб/ранений, плена	+	+/+	+/-	+*/+*
Оружие, лошадь, люди «с боем»	–	+	–	–
Поместный/денежный оклад	+/+	+/-	+/-	-/-
География и объем владений	+	+	+	+
Службы и чин отца, братьев, дядьев	+	–	–	–
Службы, возраст, имена детей	+	–	+	+
Грамотность детей	–	–	–	+
Место жительства	+*	–	+	+*
Корроборация (имя, прозвание)	+	+	+	+
Причины неподписания	+	?	–	+*
Наличие «грамот» и «указов» о службе	+*	?	+	+

* нерегулярные записи данных из массива сказок.

На смотре-«разборе» 1643 г. большинство жильцов, бывших «в молодых летах», крайне редко сообщали о детях. Иногда жильцы ссылались на «грамоты» о владениях вотчинами из семейных архивов. Спустя более полвека – на «разборе» рейтаров 1702 г. изредка к сказкам прилагались полные тексты копий «указов» об отставке. Для государева смотра московских чинов в январе 1681 г. по указу царя Федора Алексеевича был сочинен вопросник – один из первых известных «образцов» написания сказок, который удалось извлечь в архиве: «а в сказках указал в. г. им писать; 1-я – с которого году, хто в которой чин написан и после того, где хто был на службах и у дел, и на которых боях, где хто ранен или в полон был взят, и сколько хто где в полону был; 2-я – в которых городех и сколько за кем порознь по нынешним переписным книгам и сверх переписных книг по новым дачам ныне на лицо крестьянских и бобыльских дворов, и задворных и деловых людей, которые живут на пашне, и в которых городех за кем пашенные и оброчные деревни порознь; 3-я – на его в. г. службе, хто каков будет оружен, и что у ково будет простых лошадей с какими бои в полку и в кошу з долгими пищали и з бердыши». Сказки передавали 3–5 января 1681 г. порознь по чинам «за своими руками, и те скаски приносить в Розряд до смотру, а которые из них до смотру в Розряд не принесут и тем быть в нетех». В приеме сказок Ответной палатой выяснилось, что царедворцы писали о намерении поставить «людей с боем» с убавкою против нормы (один человек с 25 дворов) и по числу, известному в Разряде из прежних сказок. После исправления сказок, уличенных «в убавке», царь смотрел «чины порознь» с двумя перерывами 10–20 января в Передней палате дворца [17, д. 52, л. 4; 12, № 853].

Петровская администрация более настойчиво запрашивала данные о детях. В 1702 г. на «разборе» рейтаров в Твери на съезде двора стольник Ф. П. Вердеревский выяснял очно имена и возраст детей мужского пола от месячных младенцев до возрастных служивших. Так, рейтар С. М. Ломаков 26 мая «у смотру явил сына Ивана десяти недель» [16, л. 39 об.].

Сенатские канцеляристы, заправлявшие смотром 1721 – 1723 гг., для единой формы записей приездов и сказок предложили «образцовый проезд», восходящий более к шаблону рубежа XVII – XVIII вв., отраженных в упомянутых выше сказках рейтаров. Историк С. А. Петровский впервые обнаружил, а С. М. Троицкий опубликовал этот важный документ 1722 г. [11, с. 221; 26, с. 156]. До сих пор не был издан текст приказа герольдмейстера о введении «образцового проезда»: «1722 марта в 6 день по указу е. и. в. ближней стольник и герольдмейстер Степан Андреевич Колычов с товарищи приказали канцелярии Разборных дел подьячим сей указ объявить с подписанием их рук,

дабы сего числа всяких чинов людей, которые будут во оной канцелярии являтца у записки приездов их, спрашивать, что у кого детей и свойственников мужеска полу и в каковы лета, и в каком учении или кроме учения при них в домах живут. О том в приездах их записывать имянно не уроня ничего. А которые с начала записки приездов до сего времени приезды записали и скаски подали, о том ис тех приездов и из сказок выписать против вышеписанного ж. А ежели кто в тех прежних приездах и в скасках своих о вышеписанном подлинно не объявили, о том у оных брать скаски с написанием оногo имянно. И о том выправясь подлинно публиковать и выставить листы, чтоб о вышеписанном, ежели кто подлинно не изъяснил, подавали скаски в пополнение против вышеобъявленного. И о том написать скаску образцовую, потому ж выставить, при том публиковать, чтоб ведали, каким образом оно в скасках пополнить. Герольдмейстер Степан Колычов» [20, д. 7302, л. 52–53]. Приказ герольдмейстера закрепил дьяк Михаил Волков, а «образец» заверил старый подьячий Григорий Баскаков, который «имеет всему записку и потому взывает отправления». «Образцовый проезд» в тот же день приняли «к исполнению» 9 подьячих [26, с. 155; 20, д. 7302, л. 52–54 об.; 22, д. 43, л. 11 об.].

В подлиннике «образца» не указывалось записывать адреса служивых людей на время их жительства в Москве. Однако в «приездах» городских дворян, офицеров, драгун, рейтаров сообщалось название улицы, прихода, имя владельца, что не встретим у царедворцев, независимо от времени «приезда». Таким образом, реальные тексты «образцов приездов», как и вся практика записей несколько отличались по повадкам разных подьячих Герольдии. Известный «образцовый проезд» не был категоричен для заполнения, поскольку у канцеляристов существовали приказные навыки. Запись речи в сказке строго не регламентировались, несмотря на образец, а объем варьировался от 1 до 5–6 страниц.

Сенат требовал от всех служивых людей подписывать «своею рукою» сказки и «приезды». Для «старых и дряхлых», больших и неграмотных допускалась подпись доверенного лица. По указу царя сенаторы приказали 12 июля 1722 г. «которые афицеры и дворяня грамоте не умеют и об них показано свидетельство також к приездам и к скаскам вместо их руки прикладывали другия, а не сами они, и тех за неумением грамоте, також буде которые и впредь такие ж по свидетельству являтца, что они грамоте не умеют... таких за неумением грамоте писать в воловой список и дав герольдмейстеру пашпорты отпускать в дома, а употреблять их к воеводам в посылки и для надзираения лесов обор-валтмейстеру, а офицеров отпускать таких, которые присланы из Военной коллегии, а которые не присланы, тех не отпускать» [20, д. 7302, л. 56].

Сведения сказок и «приездов» сводились в записные книги «определений», которые заслуживают самого пристального внимания. Книги имели «троякую» структуру таблиц, а рубрики дробились «порознь по чинам». Имена персон записывались постранично и по хронологии прибытия к смотру внутри своего «чина». Одна страница книг вмещала не более 2–3 записи имен. В трех столбцах книг отмечались: 1) дата приезда человека; 2) имя, возраст, география и число дворового владения, имена, возраст, служба детей; 3) в графе «с смотров определено» датировались назначения «к службе и делам», к отставке или отметки о «волово» учете («отмечен в воловой, стар», отмечен в воловой, а годитца к делам»). В так называемый «волово список» заносились имена условно-годных служилых людей, не назначаемых в момент смотра на службу, оставляемых в резерве. Термин «волово список» порождает ожидание материального воплощения списка, но таковой была лишь отметка в книгах. Тем не менее, выписки имен для назначений из виртуального «волово списка» нередки.

Возвратимся к третьей графе записных книг «определений», который после смотра многократно дополнялся сведениями о службе, отставке, смерти (редко датированными) служилых людей вплоть до начала 1740-х гг. В нескольких книгах добавлялся столбец для записи детей. Анализ структуры этих записных книг, распоряжений о «списках трояких», приводит к выводу, что именно в них был воплощен царский наказ герольдмейстеру из «Инструкции» – вести «всех дворян списки генеральные» для перспективного учета шляхетства.

В новейшей историографии существуют различные мнения о наличии и идентификации «генеральных списков», указанных царем герольдмейстеру. Выражались сомнения, что они были составлены [2, с. 285] и утверждалось о составлении одного «генерального списка» [7, с. 120.]. Одна из книг Герольдии, отмеченная Г.В. Калашниковым, действительно подверглась существенной редактуре и дополнениям после генерального смотра. Она хорошо известна по публикации как «Список военным чинам XVIII века» [25]. Относительно недавно М. В. Бабич выявила его подлинник [3, с. 164]. Сложная структура записей опубликованного «Списка» не может скрыть аутентичную основу этого документа, как записной книги «определений» штаб-офицеров. Так практически был исполнен указ Петра I о «генеральных

списках имянных и порознь и по чинам». Весомым аргументом в пользу этого мнения является недавно извлеченные 254 сказки штаб-офицеров из 325, отраженных персональными записями в «Списке военным чинам». Сказки были даны перед герольдмейстером с декабря 1721 г. по март 1723 г. в Москве. Подтвердить мнение необходимо и по подлиннику. При подготовке авторского веб-проекта «Генеральный смотр дворянства 1721 – 1723 гг.» в архиве извлечено 302 сказки штаб-офицеров 1721 – 1725 гг., переплетенных в две книги [21, д. 8104]. «Генеральные списки» продолжали учет после смотра несколько иначе, чем в разрядной практике – и это было бюрократической новацией.

Таким образом, сводные книги смотра имеют 4 различных именования: в самоназвании (смотренные книги, они же записные «определения»), в указах царя («генеральные списки») и в историографии («список чинам», смотренные). До нашего времени такие книги сохранились по учету офицеров, низших армейских чинов, недорослей, городских дворян [21, д. 8338; 22, д. 19, 20, 16; 15; 24, д. 284, 328, 329].

В новоиспеченной канцелярии складывалась атмосфера, характерная для российского чиновничества нескольких эпох. Герольдмейстер обязал своих канцеляристов в трехдневный срок к 10 апреля 1722 г. изготовить именные списки всем чинам. Игнорирование грозило «штрафом на теле жестокого наказания в том, что им оные списки изготовить верно без погрешения» [24, д. 328, л. 116–117]. Множились особые тетради «реестров» и «экстрактов», «определения» сенаторов и коллегии, решавших о нарядах на службу, к отставке или обратно «к герольдмейстерским делам» [22, д. 38, 49].

Документация петровского смотра шляхетства никогда не изучалась кодикологически. Около 4,5 тыс. сказок 1721–1723 гг. переплетены ныне в книги, а ряд сказок из нескольких «единиц хранения» остаются «в россыпи» и учтены в табл. 3. Сказки находятся вне аутентичного порядка и переплетов, в XVIII–XIX вв. они частично изымались и подшивались к другим книгам Герольдии. Сверху многих сказок имеются отметки «по книге №...», а нумерация доходит до трехзначных чисел. Некоторые категории шляхетства, видимо, не составляли сказки. Придворные служители, солдаты, недоросли известны как участники смотра по записным книгам «приездов» и/или по смотренным спискам.

Таблица 3 / Table 3

Численность сказок смотра 1721–1723 гг., выявленных в фондах РГАДА / The number of 'skazki' at the show 1721–1723, identified in the funds of the Russian State Archive of Ancient Acts

Фонды	Опись, ед. хр.	Сказок
286	Оп. 1. Ед. хр. 6–9, 13, 14, 39	3426
394	Оп. 1. Ед. хр. 284	130
248	Оп. 102. Ед. хр. 8104; Оп. 20. Ед. хр. 1339.	921
Итого		4477

Примерно к трети сказок прилагалась одна из копий документов 1702–1720 гг.: «указы» об отставке, осмотры болезней, выписки, «пашпорта», «приговоры» учреждений. Внутри сказок как в матрешке можно обнаружить малые «сказки с подкреплением» и малоизвестные указы, например: «дан сей в. г. указ из Военного приказу каширенину Мине Дурову, для того в нынешнем 710-м году по указу в. г. велено копейщиков и рейтар и их детей недорослей выслать к смотру в Военной приказ...» [22, д. 13, л. 82, 111]. В сказках этого смотра сконцентрирована коллекция около 1100 копий редких документов эпохи Северной войны.

Записные книги «приездов» сохранились в аутентичных переплетках. Запись на смотры в Москве открылась в декабре 1721 г. в Золотой палате Кремля, в которой «приезды» записывали канцеляристы. В Столовой палате заседали сенаторы, «смотря по разметкам» герольдмейстера или устраивая очные смотры служилым. Книги «приездов» дробились на чиновные рубрики и внутри них по хронологии записи человека. В большинстве книг повторяется 2–3 круга рубрик записей по месяцам и по различным губерниям или вне географии. Место проживания одних служилых людей варьировалось в зависимости от службы, достатка и времени года, другие, как правило, «беспоместные» проживали постоянно в одной «деревне» или городе. В ранних книгах приездов размещалось по 2–3 записи на странице. После выхода «образцового приезда» записи приездов распухли до двух полных страниц в описании одного человека. Поэтому часть «приездов» информативно не уступает сказкам [22, д. 52, л. 102–114 и след.]. Полные книги приездов и их фрагменты сосредоточены не менее чем в 16 «единицах хранения» [22, д. 17, 23, 25, 26, 31, 32, 34–37, 44, 47, 52, 923; 20, д. 7303; 24, д. 328; 18, д. 2441]. Благодаря «книгам приездов» известно в 2,5 раза больше участников смотра, чем по сказкам. Возможно, не все книги выявлены, а часть документации могла не сохраниться.

Более компактно из дел Герольдии собраны прошения служилых людей, определенных Сенатом и коллегиями «к делам», но просивших отставку по болезни, возрасту или в связи с неграмотностью. «Осмотры болезней», произведенные Антониом де Тейльсом, распылены по нескольким архивным «делам», практически не отличаясь по структуре и объему от докторских «осмотров» отставных царедворцев в середине 1690-х гг. [21, д. 8103, л. 74–120].

К массовым документам смотра 1721–1723 гг. справедливо отнести «допросы» лиц, которые не явились «к записке приезду» или пропустили «разбор» к определениям на службу или в отставку. Выборочно подлинные «допросы» прикреплялись к сказкам [22, д. 46; 24, д. 4, 9]. Сотни допросов нетчиков составлял ранее Разрядный

приказ. «Допросы» в «Разборной» канцелярии полностью копировали аналогичные разрядные документы, например, за 1705 г. [14, д. 73, л. 813–849]. В канцелярских «допросах» точно также отмечались: дата, имя допрашиваемого, излагались причины неявки, пропуска «срока» или нетства, дата записи приезда, аргументы в свою защиту. Изменилось лишь название учреждения в заголовке. Иначе не могло быть, ибо служащие Герольдии ранее трудились разрядными подьячими. Независимо от чина и статуса допрашивались все «позноприезцы», служащие, недоросли. Например, допрос не миновал «архитекторского дела ученика» И.В. Чернавского. 5 августа 1722 г. ровно за 4 месяца до назначения живописцем при канцелярии «в допросе сказал: указ ... (о смотре. – А.З.) он Чернавский слышал, ... а к смотру де быть ему на указной срок невозможно, для того, что был у многих е. и. в. дел во учении, о чем показано в скаске ево и благополучному пришествию е. и. в. в Москву отправляли труфальные ворота и мошкарацкие сани и под бот тумбу и балдахин в синодалную крестовую полату марта по 15 число сего 722-го году денно и ношно, и покою он Чернавский себе не имел, а приезд записал марта 15-го дня 1722-го году и ныне де он в том же учении безотлучно» [22, д. 46, л. 124]. Особой заботой властей с допетровских времен был розыск и высылка нетчиков.

Не выявлены сказки недорослей, к которым в то время причисляли детей младше 15 лет и всех, получавших с юности «льготу» от службы по болезни, увечью или инвалидности. Вероятно, для Герольдии было достаточно их «приездов» и смотренных списков. Но не все недоросли спешили на смотр. Летом 1722 г. начался розыск беглых школьников по инициативе нового директора Морской академии капитана флота А.Л. Нарышкина. В июле Нарышкин известил Сенат о сотне беглецов, которые не явились «к нему в учение» после «отпусков», презрев все сроки. Из них 33 происходили «из шляхетства», 18 из рейтарских детей, 12 «из детей боярских». Сенат передал заботы розыска и «разбора» герольдмейстеру И. Н. Плещееву. В Московской типографии 28 июля отпечатали лист с 127 именами беглых школьников [22, д. 10, л. 835–836].

В провинциях и уездах местные власти допрашивали недорослей «из дворянских детей», обошедших смотр в Москве. Канцелярия «свидетельства мужеска полу душ» Нижегородского уезда обнаружила десятки таких нетчиков и «огурщиков». Для облегчения их идентификации, местные чиновники под текстом «допроса» прописывали словесные портреты нетчиков. Некоторые «являлись собою» в местную канцелярию. Среди допрошенных летом 1723 г. оказался и беглый ученик Морской академии Петр Быков. Имя школьника отчетливо читалось в печатаных

указах 1722 г., прибитых по «грацким воротам», улицам и площадям Москвы. Не ведая розыска, бывший ученик спокойно проживал в своей деревне Анкудиновой, а в допросе рассказал всю подноготную, что владеет 4 крестьянами, и «в прошлых де годех, тому ныне пять лет... набирали дворянских детей в школу и он Петр з братом своим родным Афонасьем записались в Москве в школу... учились в школе з год». Братья якобы были отпущены на время домой, но их «данной пашпорт воровские люди взяли в прошлом 722 году». О грабеже и разбое братья сообщили в явочной челобитной: «а в школе не явились для того [что] лежали з братом своим в то число больны». По словесному описанию «Петр ростом два аршина, шесть вершков, волосом рус, глаза серы... лицом щедровит, отроду ему двадцать пять лет». Бывший школьник, обязанный учиться или служить, подался в солдаты местного гарнизона, а его жена Аксинья спустя год прибавила к «допросу» словесное описание 9-летнего сына Василия. Другой «дворянский сын» Семен Ворыпаев пропуск смотра в Москве объяснил «за хворостию». Предвидя новое «нетство», канцеляристы вновь запечатали портрет недоросля: «а по смотру он Симион роста два аршина с четвертью, глаза серы, волосы черные, [усы] ево и борода руса, лицом кругл, нос остронос, от роду ему 29 лет» [23, д. 153, л. 2–2 об., 7–9; д. 154].

Примерная схема словесного портрета 1720-х гг. содержит описание роста, цвета глаз и волос, формы лица и носа, примет на лице и на теле, болезненности, возраста. Под описанием отмечалась годность к службе, что и раскрывает один из мотивов сочинения словесного портрета. Так, давно известный формуляр «допроса», был качественно дополнен в местных учреждениях. Русские словесные портреты имели не менее долгую традицию, возникнув не позже XIV в. А в конце XVI в. в новгородских кабальных книгах фиксируется около 2 тысяч словесных описаний холопов и людей податных [9]. В начале XVIII в. подобная практика не забылась опытными подьячими и нашла применение для идентификации «дворянских детей» и их возможного розыска. Благодаря словесным портретам, приложенным к ткани «допросного» текста, возможно объемнее представить образ незнатных современников Петровской эпохи и новую узду для контроля «детей из дворянства».

Первому составу Герольдии из девяти человек [1, с. 268] для ревизии «всего дворянства» усиленный объективно было недостаточно. При исполнении указов царя, который ставил сложнейшие задачи Сенату и герольдмейстеру Плещееву, понадобился пятикратный штат. Кроме главы в Герольдии в марте 1723 г. трудился 51 человек, включая: двух товарищей герольдмейстера (в т. ч. графа Ф. Санти), 3 секретарей, 1 дьяка, 41 подьячего, переводчика «при графе» И. Ардабьева, подма-

стерья П. Гусятникова у живописца И. Чернавского. Последние трое были назначены к штату 5 и 18 декабря 1722 г. В следующем году они переезжали в столицу с другими канцеляристами – всего на 48 подводах. В Москве для описания «прежних разрядных и протчих дел» оставались помощник Плещеева кн. А.С. Путятин, дьяк А. Русинов, 8 канцеляристов и несколько молодых подьячих [22, д. 55, л. 108, 120–129].

Сенат приказал герольдмейстеру 12 декабря 1722 г. представить ведомость назначений на смотре. «Образец» статистики предложил управлявший разрядным столом Сената Иван Ларионов [22, д. 10, л. 1150–1155]. По указу 10 марта 1723 г. «позноприезцев» смотра и всех, кто «в дома не отпущены и к делам не определены, тем до декабря месяца сего году из Москвы от смотра уволить» [20, д. 7302, л. 88]. Весной 1723 г. служащие Герольдии закончили сочинение «Ведомости смотра» на 43 страницах. Без учета подьячих канцелярских служащих всех провинций за полтора года в двух столицах на генеральный смотр явилось 16946 человек, преимущественно «из шляхетства» [4, с. 178]. Прием сказок «позноприезцев» продолжился в Санкт-Петербурге в июне, а текущие сенатские смотры – с ноября 1723 г.

Подготовка статистики «разбора к делам» на смотре также не была петровской новацией. Например, на смотре 1707 г. были «разобраны» 579 царедворцев к 15 приказам и двум «городовым делам» [18, д. 1426], аналогичные записи «к делам» на десятках листов известны и до 1690-х гг. Но размах бюрократической детализации и синхронных назначений «всех чинов» осуществился впервые в 1720-е гг. К десяткам ранее не существовавших коллежских должностей в центре и на местах потребовались срочные назначения, согласования с коллегиями и Сенатом.

Таким образом, «образцы» и основной набор документации как и полный механизм смотров и рекрутирования на службу сложились в допетровское время и были логично заимствованы канцелярскими служащими из приказной практики. До 1720-х гг. «персональные» документы смотров сказки, приезды, смотренные списки усложнились незначительно, прочно опираясь на старомосковские образцы. С учреждением Герольдии, объем и номенклатура документов, фиксирующих «определения» к службе и делам, значительно расширились. Были составлены указанные царем «генеральные списки шляхетству». Запрашивались новые данные, изображавшие подданного настолько объемно, как только мог потребовать государственный интерес. В «допросах» местных учреждений появились словесные портреты нетчиков. Практически неизменным оказался формуляр сказки, в котором новшеством был сбор данных о грамотности детей. Эти сведения оказались более актуальны, чем изве-

ствия о службе предков в XVII в. В связи с реформой чинов была утрачена традиция ежегодного составления чиновных списков. Вакуум был немедленно заполнен. Записные книги «определений» на службы приобрели адекватный для поиска формуляр продолжающегося документа, который использовался до начала 1740-х гг.

Массив документов, которые отражали персоналии участников, оказывается репрезентативен в количественном плане. Тем не менее, исследователю невозможно безоговорочно полагаться на

достоверность данных из документации одного учреждения. Решения требуют острые вопросы современного описания дел фонда Герольдии и идентификация архивных фондовых и «единичных» включений документов генерального смотра. Сомнения и скепсис в историографии вызывала возможность изучать распыленные документы раннего архива Герольдии, которые поддаются и аккумуляции, и оценке объемов для исследования самого объекта смотров – всех «чинов» шляхетства.

Источники и литература

1. Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.
2. Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени. М.: Издательство: РОССПЭН, 2003. 480 с.
3. Бабич М. В., Бабич И. В. Областные правители России. 1719–1739 гг. М.: РОССПЭН, 2008, 831 с.
4. Захаров А. В. «Генеральный смотр» дворянства 1721–1723 гг.: история организации и результаты // История: факты и символы. 2020. № 4. С. 167–182.
5. Захаров А. В. Информационно-поисковая система «Генеральный смотр дворянства 1721–1723 гг.» URL: <http://zaharov.csu.ru/shlyah.pl> (Дата обращения: 07.10.2021).
6. Горбатов Е. Н. Новые документы жилецкого разбора 1643 года (сказки и челобитные жильцов) // Российская генеалогия. 2021. Вып. 9. С. 69–176.
7. Калашников Г. В. Учет офицерских кадров русской армии в 1700–1745 гг. // Клио. 2000. № 3. С. 116–124.
8. Московская деловая и бытовая письменность XVII века / Подг. С. И. Котков [и др.]. М.: Наука, 1968. 338 с.
9. Новгородские кабальные записные книги 100 – 104 и 111 годов (1591 – 1596 и 1602 – 1603 гг.) / Под ред. А. И. Яковлева. М.; Л., 1938. 445 с.
10. Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.: Гос. тип., 1887. Т. 1, 888 с.
11. Петровский С. А. О Сенате в царствование Петра Великого. М.: Унив. тип. (Катков и К), 1875. 349 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. СПб., 1830. 815 с.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 2.
14. РГАДА. Ф. 210. Оп. 3.
15. РГАДА. Ф. 210. Оп. 7-6.
16. РГАДА. Ф. 210. Оп. 8.
17. РГАДА. Ф. 210. Оп. 15.
18. РГАДА. Ф. 210. Оп. 21.
19. РГАДА. Ф. 248. Оп. 33.
20. РГАДА. Ф. 248 Оп. 88.
21. РГАДА. Ф. 248 Оп. 102.
22. РГАДА. Ф. 286 Оп. 1.
23. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1.
24. РГАДА. Ф. 394. Оп. 1.
25. Список военным чином 1-й половины 18-го столетия // Сенатский архив. Т. 7. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1895. С. 636–811.
26. Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974. 396 с.

References

1. Anisimov E.V. Gosudarstvennye preobrazovaniia i samodержavie Petra Velikogo v pervoi chetverti XVIII veka (State reforms and autocracy of Peter the Great in the first quarter of the XVIII century). St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1997. 331 p. (in Russian).
2. Babich M.V. Gosudarstvennye uchrezhdeniia XVIII veka: komissii petrovskogo vremeni (State institutions of the XVIII century: Peter's commissions). Moscow: ROSSPEHN, 2003, 480 p. (in Russian).
3. Babich M.V., Babich I.V. Oblastnye praviteli Rossii. 1719–1739 gg. (Regional rulers of Russia. 1719-1739). Moscow: ROSSPEN, 2008. 480 p. (in Russian).
4. Zakharov A.V. «General'nyi smotr» dvorianstva 1721–1723 gg.: istoriia organizatsii i rezul'taty (The General Inspection of Nobility of 1721-1723: the history of the organization and the results) // Istoriia: fakty i simvol'y. 2020. No. 4. P.167–182. (in Russian).
5. Zakharov A.V. Database «The General Inspection of Nobility of 1721-1723» URL: <http://zaharov.csu.ru/shlyah.pl> (Accessed: 07.10.2021). (in Russian).
6. Gorbatoev E.N. Novye dokumenty zhiletskogo razbora 1643 goda (skazki i chelobitnye zhil'tsov) (New documents of the Zhiletsky "razbor" of 1643: skazki i chelobitnye zhil'tsov) // Rossiiskaia genealogiia. 2021. Vol. 9. P. 69–176. (in Russian).
7. Kalashnikov G. V. Uchet ofiterskikh kadrov russkoi armii v 1700–1745gg. (Accounting of officers of the Russian army in 1700-1745) // Klio. 2000. No. 3. P. 116–124. (in Russian).

8. Moskovskaia delovaia i bytovaia pis'mennost' XVII veka (Moscow business and household writing of the XVII century). Moscow: Nauka, 1968. 338 p. (in Russian).
9. Novgorodskie kabal'nye zapisnye knigi 100 – 104 i 111 godov (1591 – 1596 i 1602 – 1603 gg.) (Novgorod bonded Lists of 100 – 104 and 111 years (1591–1596 and 1602 – 1603) / ed by A.I. Iakovlev. Moscow; Leningrad, 1938. 445 p. (in Russian).
10. Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikago (Letters and papers of Emperor Peter the Great). St. Peterburg: Gos. tip., 1887. T. 1, 888 p. (in Russian).
11. Petrovskii S.A. O Senate v tsarstvovanie Petra Velikogo (About the Senate in the reign of Peter the Great). Moscow: Univ. tip. (Katkov and K), 1875. 349 p. (in Russian).
12. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZ RI) (Complete collection of laws of the Russian Empire). Vol. 6, St. Petersburg, 1830. 815 p. (in Russian).
13. Russian state archive of ancient acts. (RGADA). F. 210. Inv. 2. (in Russian).
14. RGADA. F. 210. Inv. 3 (in Russian).
15. RGADA. F. 210. Inv. 7-b (in Russian).
16. RGADA. F. 210. Inv. 8 (in Russian).
17. RGADA. F. 210. Inv. 15 (in Russian).
18. RGADA. F. 210. Inv. 21 (in Russian).
19. RGADA. F. 248. Inv. 33 (in Russian).
20. RGADA. F. 248. Inv. 88 (in Russian).
21. RGADA. F. 248. Inv. 102 (in Russian).
22. RGADA. F. 286. Inv. 1 (in Russian).
23. RGADA. F. 350. Inv. 1 (in Russian).
24. RGADA. F. 394. Inv. 1 (in Russian).
25. Spisok voennym chinam 1-i poloviny 18-go stoletia in Senatskii arkhiv (List of military ranks of the 1st half of the 18th century). Vol. 7. St. Petersburg, Tipografiia Pravitel'stvuiushchego Senata, 1895. P. 636–811. (in Russian).
26. Troitskii S.M. Russkii absolutizm i dvorianstvo v XVIII v.: Formirovanie biurokratii (Russian absolutism and the nobility in the XVIII century: the Formation of the bureaucracy). Moscow: Nauka, 1974. 396 p. (in Russian).

Сведения об авторе

Захаров Андрей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-учебной лаборатории «Цифровые гуманитарные исследования» историко-филологического факультета Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия) / elural@yandex.ru

Information about the author

Zakharov Andrey V. – PhD in History, Senior Research, Scientific and Educational Laboratory «Digital Humanities Studies», Faculty of History and Philology, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia) / elural@yandex.ru